

Часть 1

Глава 1

Октябрь. 1564 год.

Поля давно остыли от жаркого лета. Открытые просторы переходили в леса, потерявшие свою пышную листву. Чёрными силуэтами высились стволы деревьев, меркнувшие с наступлением по-зимнему морозных сумерек. Далеко за зубастой кромкой леса догорало ярко-янтарное солнце. Воронье уже щёлкало клювами, предвкушая пиршество.

Мужчина был высокого роста, широк в плечах, и под его тяжёлой поступью оставались глубокие следы в промёрзшей чёрной земле.

— Фёдор! — громкий раскат баса прокатился над полем. Вороны взлетели, метнувшись к другой добыче.

— Фёдор! — раздалось вновь, лишь хлопанье крыльев улеглось.

Голос срывался на надрывный низкий хрип. Взгляд воеводы метался по очертаниям тел, павших в битве, боясь узнать среди них знакомое лицо. Он вглядывался в потемневшие лица, хмурия свои густые, чёрные с проседью брови. Он опустил взгляд на землю, продолжая переходить от трупа к трупу. Тела мешались в полумраке, который сгущался с каждой минутой. Сердце могучего воеводы едва не замирало от страха. Он опустился к бездыханному телу юноши. Чёрные волосы слипались прядями от крови, вытекавшей из обширной раны на затылке. Воевода на мгновение замер. Сглотнул. Взяв волю в кулак, он был готов принять этот удар судьбы и, наконец, решился перевернуть тело мыском сапога на спину. Даже в царившем полумраке мужчине хватило беглого взгляда на погибшего — это точно не его сын.

— Басман! — кто-то окликнул его.

Мужчина сразу же обернулся.

— Алексей! Живой сын твой, гляди, как скачет!

К Басманову уже мчался конь с юным всадником. За пару метров юноша спешил, едва ли не на ходу. На белой коже багрянел румянец от холодного ядрёного воздуха. Сквозь густой ряд чёрных ресниц безумно сверкали голубые миндалевидные глаза. Несмотря на тяжёлое дыхание и шаткую походку, ему всё же удавалось выглядеть непринуждённым.

— Что ж ты, батюшка, уж схоронил меня? — усмехнулся Фёдор, хотя его голос звучал слабо.

Алексей опустил свою тяжёлую руку на плечо сына, оглядывая его с ног до головы, и сердце старого воеводы от облегчения будто забилось вновь.

— Только попробуй, сволочь, чтобы я тебя хоронил, — пробасил воевода, придерживая сына за плечо и оглядывая его.

Облачение юноши было потрёпано долгой битвой и погоней, в которую они пустились с отцом. Справа оголилась чешуя кольчуги, испачканная в крови и грязи.

— Узнаю своего отца — едва увидел меня живым, так сразу я тебе чем-то неугоден, — притворно вздохнул Фёдор.

— Помалкивай. Много крови потерял, — коротко ответил Алексей.

— Татарской пролито ещё больше, — юноша задумчиво оглядел поле боя.

Воеводе приходилось напрягать зрение, чтобы различать силуэты людей в сгушающемся мраке. Воронье уже слетелось попировать. Гомон их наполнил ночной воздух.

— И пленных взяли, — довольно произнёс мужчина, вглядываясь в поле битвы. — Таких именитых только и ждут от нас.

Отец и сын вернулись победителями. Послание об их доблести было составлено и отправлено в Москву. Помесье Басмановых располагалось на берегу широкой реки Оки. Листья уже отгорели огненными цветами, давно опали, устилая реку, и деревья стояли голые в преддверии особенно холодной зимы. Верною службой Алексей Басманов добился исключительного положения. Будучи воеводой крутого нрава и незаурядного ума, он не раз отличился за долгие годы службы государю. В награду семье Басмановых было пожаловано это поместье до тех пор, пока сей славный род служит царю верой и правдой.

Алексей был горд своей победой, но она не задурманила разум опытного воеводы. Много пороков было на его душе, но не тщеславие. Он следил за новостями с других краёв — судьба Руси находилась под угрозой. Царские войска терпели одно поражение за другим в Ливонской войне, и каждая дурная весть с поля битвы испытывала терпение государя.

За долгие годы службы Алексей твёрдо усвоил лишь одну вещь — наперёд ничего знать никому не дано. Сейчас они вернулись с сыном с гордо поднятой головой, но всё могло круто измениться. Много именитых семей теряли благосклонность государя, а их родословные были древнее, что уж говорить о молодом роде Басмановых.

Сколько ещё продлится их век — один только Бог ведает.

Погружённый в эти тяжёлые думы, он сидел во главе стола, а его сын по правую руку. Фёдор же был менее мрачен — славная победа в нелёгком бою, гордость за отца и довольство собой сопутствовали хорошему расположению духа. Да и самые мрачные мысли не могли испортить вид Басманова-младшего — уж больно тот был хорош собой. Чёрные длинные волосы, бледная кожа, соболиные брови, а из-под них глаза васильковые — все девки вокруг вздыхают по нему. А в бою-то юнец как хорош! Резвый, ловкий, точный — и вместе с тем хитрый и искусный.

Воеводы иной раз говорили Алексею: «А Федыка твой с саблей да в седле родился, что ли? Сколько, говоришь, ему от роду? Семнадцать? Ну, Алексей, удалый воин — твой сын, гляди, вскоре и затмит тебя отпрыск-то!»

Едва в коридоре послышались частые торопливые шаги, Алексей поднял свой угрюмый взгляд. В зал вошёл привратник и низко поклонился, едва переступив порог, затем снял шапку и прижал её к своей груди.

— Пётр Иванович Хворостинин прибыл из Рязани с наказами от государя, — доложил привратник, продолжая неловко кланяться.

— Зови его, окаянный, чего уж! — бросил Алексей, сжав кулаки в нетерпении.

Привратник тотчас же метнулся к дверям и скрылся в коридоре. Через несколько мгновений зашёл мужчина. Лицо было будто грубо выточено из цельного камня. До бороды и усов, закрывавших пол-лица, уже успела коснуться седина. Ростом Пётр был чуть ниже Алексея, но так же широк в плечах. Его твёрдая поступь, суровый взгляд, грубая обветренная кожа лица и рук выдавали в нём человека ратного. Гость имел при себе на поясе лишь кинжал полуметра длиной, за который он держался своей грубой рукой. Алексей встал из-за стола и большими шагами вышел навстречу своему ратному другу.

— Рад видеть тебя в доме моём! — радушно произнёс хозяин, обнимая гостя.

Фёдор, едва они встретились с гостем взглядом, плавным жестом пригласил его к столу, тут же посмотрев на холопа, прислуживающего при обеде. Тот тотчас принялся подавать кушанья и питьё. Басманов-младший занял своё место по правую руку от своего отца, гость же сел слева от Алексея.

— Томить не буду, а сразу прочитаю грамоту государеву, — произнёс Пётр, доставая послание, скреплённое царской печатью.

— Послание от великого князя Московского и всея Руси, государя нашего Иоанна Васильевича боярину Алексею Даниловичу Басманову и сыну его Фёдору. Божьей милостью был послан мне верный слуга.

Велено было держать осаду, но разбил ты татар и гнал их прочь, за что честь тебе и хвала. О подвигах твоих, о смелости твоей я давно слышан, Алексей Данилович. Оттого радостнее было слышать мне о сыне твоём Фёдоре. Вижу, в жилах его течёт та же горячая кровь, что и в отце. Благословлён я, пока подле меня род ваш Басмановых. От имени своего и от всего сердца своего дарю тебе, Алексей Данилович, и сыну твоему за доблесть, за службу верную золотых монет. Велю явиться тебе и сыну твоему в Александровскую слободу, ибо нет мне кроме вас утешения в кромешном аду, что учинили мне изменники. Этот змеиный клубок давно надобно уничтожить да вымести с земли нашей святой. Оттого же велю немедля вам с сыном явиться на службу ко мне.

Закончив читать, Пётр глубоко выдохнул и поднял взгляд на Алексея.

— Слышал, Федя? — усмехнулся воевода и, обернувшись к сыну, потрепал его по голове.

— Да как же тут не услышать, — задумчиво протянул юноша.

Князь Пётр Иванович Хворостинин и так был желанным гостем в доме Басмановых, а с такими речами от самого царя уж и подавно. Трапеза продолжалась ещё часа два. Алексей долго расспрашивал гостя о том, кто ныне окружает государя, как его душевный настрой, кто кормит его лошадей — да вообще обо всём.

— Да тебе ли, Басман, не знать, какой настрой у Иоанна Васильевича! — на очередной вопрос рассмеялся Пётр, уже изрядно выпив. — Ты-то сколько служил у царя, не знаешь будто, какой нрав у него? Вот так же всё и осталось.

— Неужто у царя-батюшки настолько скверный нрав? — удивлённо спросил Фёдор, доливая гостю и отцу вина.

Пётр и Алексей дружно рассмеялись, и все трое подняли чаши.

— Избави нас, Господь, от гнева его! — воскликнул Алексей и осушил чашу разом.

— А ты, Федя, предстанешь когда перед государем, не дерзи, — предостерег Пётр. — Видел я тебя в бою, и парень ты смелый, но молод и горяч. Таких сейчас царь себе и собирает вместо старых бояр.

Юноша на секунду задержал взгляд на чаше в своей руке, пристально рассматривая содержимое. Вроде бы даже прислушиваясь к словам гостя. Но мгновение спустя вернул себе непринуждённый вид.

— Вот любопытно, что же с этими самыми старыми боярами стало, да, батюшка? — усмехнулся, переводя тему разговора, Фёдор. — Да хоть с Мишей Репниным.

— Даст Бог, не узнаешь никогда, — хмуро осадил сына Алексей, повелевая жестом налить ему ещё.

* * *

Москва укрылась белым снегом. На улице стояла такая студёная погода, что ставни в царских палатах были плотно закрыты. Духота наполняла весь зал. Наперебой звенели бокалы и раскатисто гремел пьяный смех. Скоморохи шныряли меж гостей, со свистом и взвизгиванием догоняя друг друга. Поодаль ото всех стоял Михайло, облачённый в пурпурный кафтан. Его твёрдый, слегка презрительный взгляд будто бы скользил поверх всего царившего вокруг бесчинства. Он стоял, прислонившись спиной к стене, и потирал уставшие от пёстрых красок и беготни скоморохов глаза.

— Царь велит идти к нему! — громко крикнул из ниоткуда подкравшийся боярин.

Князь сглотнул и, стиснув зубы, последовал за боярином, который повёл его меж пьянствующих придворных и скоморохов, с одним из которых князь столкнулся лицом к лицу. И тут же на миг оторопел от ужаса, ибо возникшая перед ним маска была отнюдь не весёлой — исполосована глубокими морщинами, а глаза точно разъехались от старости или тяжкой скорби. Откуда только на царском пиру такие черти берутся?

Скоморох в этой жуткой маске точно забавлялся с князем и не давал ему дороги, торопливо и неуклюже переступая с ноги на ногу. Боярин же бесцеремонно толкнул шута, дабы князь наконец предстал перед государем.

Царь сидел на троне, заливаясь грудным смехом. Тёмные глаза, поблёскивая янтарными всплесками от пламени свечей и факелов, глядели на князя пронзительно и зло. Взгляд Иоанна Грозного, хоть государь и пил немало на пиру, был чист, ясен и пронизывающ. На вытянутом худом лице застыло страшное выражение безумия и безразличия. В почти чёрной у основания его бороде, переходящей в медную рыжину, блестела седина, но внешне государь вовсе не выглядел старо. Напротив, его резкие жесты, раскатистый смех, пытливый взор — всё говорило о том, что человек пред вами живого и пылкого разума, преисполненный духовной силой. Когда государь веселился на пирах, его улыбка, как и сейчас, скорее походила на оскал. Длинные пальцы, унизанные перстнями, неравномерно стучали по столу.

— Кому ты служишь, Михайло? — спросил он, чуть наклонив голову набок, подпирая лицо рукой.

Голос царя выделялся из сотни голосов, что бесновались сейчас в палате под расписными сводами. Этот глубокий, звучный голос,

имевший силу и стройность, звучал ровно и величественно. Князь насилу поднял взгляд и невольно стиснул зубы.

— Я ваш верный слуга, царь-батюшка, — ответил князь с поклоном. — И нет врагов у вас, государь, среди подданных ваших.

Не успел князь договорить, как в него была брошена пёстрая маска, сродни тем, что сейчас заливались пьяным хохотом на пиру, прыгали друг через друга, ползали под столом и под ногами.

— Так развесели меня в этот вечер! — с широкой улыбкой, но сквозь зубы произнёс царь. — Гони эти дурные мысли из моей головы! А мыслей дурных и скверных так много нынче на душу легло!

Царь положил руку себе на сердце. Князь схватил на лету брошенную ему маску и метнул на неё взгляд, полный гнева и презрения.

— Да чтобы я, боярин, стал безумствовать и бесчинствовать?! — Михайло швырнул маску на пол и тотчас же развернулся.

Не успел он сделать и шагу, как вновь столкнулся лицом к лицу с безобразной старухой. Даже в грохочущем шуме веселья князь слышал, как за его спиной государь заливается смехом, в котором льётся горячее безумие. Свежий воздух обдал Михайло — на мгновение в глазах потемнело после удушливого жара на пиру. Князь огляделся, стоя на высоком крыльце. Двор был припорошен белым снегом и спокойно мерцал под светом от факелов и фонарей у ворот и во дворе.

* * *

Солнце ещё не взошло. Раннее морозное утро застыло в трепетном ожидании нового суетного дня, когда князь взошёл на крыльцо церкви, но ему не суждено было переступить порог. Михайло осенил себя крестным знаменем, сзади послышались шаги, приглушённые снегом. Князь не успел схватиться за кинжал на поясе, как сталь вражеского клинка, припрятанного под плащом, пронзила Михайло под сердцем. Поворот клинка в ране, и удар в шею. С его губ сорвался отчаянный хрип, и ему вторил крик ужаса прихожан, обернувшихся во время службы.

Убийца вытер клинок об одежду князя и спрятал оружие в рукав. Никто не видел его лица под чёрным капюшоном, опущенным до самых глаз, а если бы кто и видел широкое лицо с неподвижными угрюмыми бровями, то ни за что бы не сознался. Чёрная фигура сошла с паперти, оставив тело князя прямо на пороге церкви, и исчезла в проулках московских дворов.

В тот же день под расписными сводами зала, ещё не остывшего от праздного веселья, царь восседал на троне, слушая своего приближённого, подперев рукой лицо.

— Хворостинин передал ваши речи и дары, государь, — доложил с поклоном мужчина в скромном облачении. — Басмановы вскоре придут в Слободу.

Мужчина говорил гудящим басом. По его раскрасневшемуся лицу казалось, что он только вернулся с мороза. Густые тёмно-русые волосы нависали над узкими глазами.

— А князь Репнин? — спросил царь, не давая договорить.

— Отделан, — коротко кивнул мужчина. — На пороге церкви.

Государь тяжело вздохнул, прикрыв глаза.

— Отдайте сорок рублей на помин души, — он отмахнулся медленным жестом.

Слуга удалился с поклоном, оставив государя наедине со своими тяжёлыми мыслями, которые не оставляли ни днём ни ночью.

* * *

Когда опускалась тьма, в каждом шорохе слышался заговорщический шёпот. Под холодным мерцанием далёких северных звёзд Иоанн лежал в своих покоях, не в силах совладать с теми страхами, что наполняли его сердце. Виски наливались тяжестью, тело ломило от усталости, но глаза, утомлённые в дневных трудах, не смыкались. Царь в немощном иступлении пялился на своды своей опочивальни в тревожном ожидании и трепетной надежде, когда же наконец придёт долгожданный покой.

Как и раньше, за порогом виднелись тени — полоса света, пробивающаяся под массивной дверью на тяжёлых стальных петлях, дрожала и прерывалась, точно прямо сейчас кто-то выжидает за дверью. Слышались голоса людей, которые говорили украдкой, тихо, монотонно бормоча что-то, скрываясь за дверьми. Стражники, денно и нощно сторожившие покои царя, божились, что нет никого у царских покоев. Это лишь сильнее смущало государя. Теперь он понимал, что эти тени охотятся лишь за его душой.

— Прочь! — сквозь зубы скрипел царь, бормоча на грани помешательства, но тени не исчезали, и голоса всё обсуждали, как бы извести мать наследника престола, а уж с дитём-то совладать сумеют.

Когда-то царь полагался на оружие, выкованное из стали, и даже в собственных покоях всегда был готов вцепиться в рукоять ножа или меча. Однако ночь за ночью он слышал голоса людей, давно отдавших свою душу Богу или дьяволу. Эти голоса шептались о кончине матери Иоанна, о том, как сгубить юного наследника престола русского. Когда маленький царевич, запуганный криками и руганью бояр, прятался по углам собственного дома, своей спальни, эти голоса преследовали его громовым басом тогда и слышатся сейчас в отголосках ночных теней. Теперь

же Иоанн знал, что это не люди и тела их не из плоти, и оттого кровь стыла в жилах, когда он, просыпаясь посреди ночи, слышал эти голоса, что призывали его, будили, подбирались к нему так близко, что их холодное дыхание касалось его кожи. Эти бесы шептали о тех грехах, которые государь взял на свою душу, неся свой крест. Лишь под конец ночи выдавались несколько часов поверхностного чуткого сна, когда тело изнурялось тревогой и душевными метаниями настолько, что даровало Иоанну пребывать в небытии, прежде чем встретить новый день.

Солнце уже поднялось, и свежий снег искрился под копытами резвых лошадей, что неслись вперёд. Всадники мчались в Александровскую слободу, протаптывая следы на дороге. То, с какой расторопностью привратники бросились отворять огромные ворота, едва заметив их вдали, говорило о том, насколько желанны эти гости. Лошадь Алексея Басманова стала сбавлять шаг за воротами, и всадник спешился, оглядываясь вокруг, в то время как его сын спрыгнул с лошади едва ли не на полном ходу. К гостям тотчас же подбежали конюхи, принимая поводья и хлысты.

— Как думаешь, управятся? — спросил Фёдор, со снисходительной насмешкой глядя вслед конюхам.

Алексей поднял взгляд на крыльцо, где их ожидала величественная фигура в одеянии цвета густой крови. Плечи и лицо царя скрывались в холодной тени. В руке он держал длинный резной посох с острым набалдашником. Золотые узоры поблёскивали там, где длинная шуба была открыта лучам солнца. Царь медленно вышел полностью на свет. Глубокие морщины на лбу чуть разгладились, когда он устремил тяжёлый взгляд глубоких глаз, которые сейчас казались чёрными. Сперва царь взглянул на Алексея, кратко улыбнувшись своему верному слуге и другу. Ещё не спустившись во двор, государь перевёл взгляд на сына Алексея.

Фёдор стоял без шапки, и его густые волосы растрепались от езды и закрывали лицо. Ясным, твёрдым взором он ответил на пытливый взгляд тёмных глаз. Для того чтобы удивить государя, хватило, чтобы новый слуга был способен вынести царский взгляд.

На мгновение у Иоанна точно пробудилось какое-то снисходительное любопытство — юноша в худшем случае просто глупец, не познавший ещё, как должно смотреть на самодержца. Ростом государь был выше Алексея, и это при том что Басманова-старшего другие воеводы и вовсе считали богатырём. Едва царь спустился, Алексей тотчас же принял его руку, унизанную крупными перстнями, и припал к ней губами, после чего они обнялись, точно не были один на службе другого. Затем Иоанн безмолвно обернулся на Фёдора.

Когда царь протянул юноше свою руку, тот мягко взял её, осторожно поцеловал перстни и, прежде чем отстраниться и выпрямиться, пару мгновений вглядывался в переливы света в драгоценных камнях.

— Значит, вот каков первенец-то твой? — спросил Иоанн, оценивающе рассматривая Фёдора с ног до головы.

Алексей усмехнулся в бороду себе под нос, да ничего и не ответил — лишь пожал плечами.

— Как звать, говоришь?

— Фёдор, — ответил юноша, хотя царь явно обращался к его отцу, и Алексей уже было открыл рот, чтобы ответить государю.

Иоанн на мгновение замер, и лицо его озарилось удивлением. Он вновь перевёл свой взгляд на юношу, после жестом велел и отцу и сыну следовать за ним. Не успели они пройти до половины лестницы, раздалось громкое лошадиное ржание. Фёдор вздохнул и с лёгкой усмешкой развернулся обратно.

— Говорил же, куда им совладать с ними? — пробубнил себе под нос юноша, направляясь к конюшне.

Конюхи тем временем пытались усмирить дикий нрав разгорячённой лошади, но животное бесилось, точно сорвалось с цепи. Её тяжёлые копыта бились в воздухе, чуть не задевая испуганных холопов. Фёдор еле заметным жестом разрешил конюху отойти, затем взял у него из рук длинный хлыст, которым несчастный слуга беспомощно размахивал, безуспешно пытаясь унять дикое создание. Юноша пронзительно громко свистнул и с неожиданной силой ударил хлыстом по земле. Лошадь обернулась на резкий звук, продолжая яростно топтать свежий снег и беспорядочно метаться по двору. Фёдор медленно следовал за ней, постепенно приближаясь к взбешённому животному.

— Сколько лет уже Феде? — спросил Иоанн с задумчивой улыбкой, стоя на крыльце.

— Семнадцать этой весной исполнилось, — вздохнул Алексей.

— И в его-то годы он имеет ратные подвиги? — с некоторой насмешкой спросил царь.

— Вы послали князя Хворостинина с речами царскими, с похвалой, а теперь потешаетесь?

— Теперь я увидел сына твоего воочию. Руки больно нежные для ратного дела. — Иоанн сложил руки замком и опёрся ими о перила, наблюдая за попытками юноши успокоить разбушевавшуюся лошадь.

Резкий свист хлыста снова рассёк холодный воздух и разнёсся по двору, мешаясь с криками конюхов и ржанием лошади, которая беспорядочно металась у конюшни.

— Но смел не по годам, — добавил царь, глядя на то, как Фёдор резкими выкриками и ударами хлыста смиряет лошадь. — Не боишься за сына?

— Да что ж вы, батюшка, в самом деле-то? Неужто считаете, что сын Басманова с одуревшей кобылой не управится? — усмехнулся Алексей.

— Так сам ведь и выбирал! Говорил я тебе, Алёша, говорил, что скверных лошадей берёшь, буйных да упрямых.

— Поглядим-поглядим, батюшка, как мой сын безбородый совладеет с ней, — самодовольно усмехнулся Алексей, и лицо его озарил проблеск гордости. — Посмотрим, кто нравом круче будет.

Тем временем Фёдор оттолкнул прочь нерадивого чернявого конюха да сам ухватился за поводья. Оторопел холоп да перечить воле гостя не стал. Лошадь едва не сбивала его с ног, но юноша смог устоять. Ещё несколько ударов хлыстом — и лошадь засемила в конюшню.

— Тише, тише! Чего буянишь? — ласково произнёс Басманов-младший, наматывая поводья на кулак, а второй рукой успокаивающе похлопывая лошадь по крупу.

Лошадь ещё раз взбрыкнула, но юноша совладал и с этим выпадом. Фёдор ни на секунду не ослаблял своей хватки, уводя животное к конюхам. Откинув снова растрепавшиеся волосы назад, Фёдор, довольный собою, направился к лестнице, где стояли отец и государь. От его глубокого дыхания поднимались облака пара.

— Больно резки лошади ваши. Отчего же не выбрать коней вам покладистых? — спросил царь.

— Спорить глупо, порода резкая, — согласился Фёдор. — Да уж свыклись с природой их. Исмаильтская кровь — нрава непокорного, не всякому под силу оседлать. Да только как овладеешь ими, так на иных лошадей и смотреть не захочешь. Всё не хватать будет резвости и удали их.

Иоанн остановился и выдержал молчание, которое повисло в холодном воздухе, точно хотел было что-то сказать. Ещё утром тонкий покров свежего снега не был тронут, а сейчас белоснежный ковёр взъерошен и смешан с землёй. Но, быстро сбросив мимолётное задумчивое оцепенение, государь последовал дальше.

Все трое поднялись в палаты, где уже были накрыты столы. Басмановых принимали не просто как храбрых воинов, а как верных друзей самого государя. Стольники то и дело обходили гостей, подливая им пьянящие греческие вина. А за окном крепили морозы. Эта зима обещала быть особенно суровой для Руси.

Глава 2

Александровский кремль помнился совсем ещё юному Иоанну обителью мягкого тёплого света. Он знал эти белокаменные стены, которые мальчику казались непомерно огромными, точно они вот-вот коснутся небесной тверди, что сияла чистой лазурью тёплым летом. Запах сочного луга навсегда смешался с льющимся с неба жаром солнца. Во дворах и вдоль дорог цветы раскрывались навстречу небесному светилу, тянулись к нему и благоговейно кланялись, едва ветерок качнёт их головы. Зимой же снега выпадало так много, что он мог доходить царевичу едва ли не до подбородка. Порой он летел мягкими хлопьями, и можно было лепить снежки. Временами сыпался коварный сухой снег, который мог таить под своим воздушным покровом скользкий лёд.

Тёплые прикосновения матери, которая кутала своё дитя с любовью и с трепетом, хранились в сердце Иоанна.

И хоть время то давно миновало и много зим разделяли царя от тех дней безмятежной детской весёлости, Александровский кремль оставался излюбленным местом царя.

Но ни эта, ни какая другая крепость не смогли бы защитить мать Иоанна от зол заговорщицких.

В слишком раннем возрасте и слишком ясно это понял государь. А потому и приблизил к себе только тех воевод, кому он мог верить. В царской свите много можно было встретить безродных, но верных, точно псов, вояк и слуг. Родовитые семьи отныне не имели почёта, и власть их упразднялась год за годом, и место старых бояр занимали новые люди. Одним из таких подданных был Алексей Басманов. Ему было за пятьдесят, и большую часть жизни он служил государю, за что был удостоен многих наград, но главное — расположением государя. Голос Алексея имел вес при дворе как в ратном, так и в государственных делах.

Иоанн тепло принял ко двору и сына Алексеева, Фёдора. Об удали юноши государь был наслышан от других воевод — последние вести пришли о сражении под Рязанью.

И вот минуло пару дней с приезда Басмановых в Александровскую слободу, и царь велел явиться им обоим. Когда отец и сын зашли в зал, Иоанн восседал на троне, сильно ссутулившись, подпирая рукой худое лицо. Государь поднял взгляд, глубоко вздохнул, выпрямился и сел несколько ровнее, глядя на прибывших к нему. Облачение государя более всех удивило Фёдора. Алексей-то уже привык за долгие годы службы видеть царя всея Руси в скромном одеянии монаха, с чёрной шапкой на голове. Лишь золотой крест да перстни на руках сверкали

тем величием, коим был наделён Иоанн. Отец и сын низко поклонились.

— Кому ты служишь, Басман? — спросил Иоанн, обращаясь взглядом к Алексею.

— Вам, государь. И нет мне указа иного, и не будет мне суда иного, кроме Суда небесного, как не перед вами, — ответил Алексей.

— А ты, Фёдор, Алексеев сын? — спросил царь, переводя свой пронзительный взгляд на юношу.

— Великий государь, великий князь Московский и царь всея Руси, каков же будет мой ответ, как не вам? — произнёс Фёдор, чуть поклонившись. — Тело моё, кровь моя, мысли мои и деяния, воля и душа принадлежат вам, великий государь.

Царь едва заметно приподнял брови, слушая клятвы Басмановых.

— Лишь Господь Бог ведаёт, идут ли слова от сердца вашего. Да будет мне карой Господней, если обманут буду вами. Некого мне держать подле себя, — вздохнул государь, покачивая головой. — Окружён я злобой людской, подлым ядом в чашах, что подают мне иудины руки. Нужно мне войско, свирепее коего не будет на земле Русской. Вместо бояр со скотской их алчностью да злобою новые люди будут, что вверят мне всех себя. Лишь так не дадим Русь разорвать врагам.

— Мы с вами, государь, — твёрдо произнёс Алексей.

— Вас мало, — царь мотнул головой, медленно перемещаясь тяжёлым взглядом с отца на сына.

— Будет больше, — всё тем же непоколебимо уверенным голосом добавил Алексей. — Мы, безродные, лишь вашей милостью и щедротами государевыми и спасаемся. Не только кровопийцы эти именитые по земле Русской ходят, но честные христиане, что чтят и поминают вас, государь, в утренней и вечерней молитвах. Вы наш государь, наше спасение и оплот наш.

— Вырвать бы язык твой, коли лжёшь, — прорычал царь, но губы его озарила краткая улыбка.

— Ваша щедрость погубит вас, государь, — Алексей точно не слышал угроз царя. — Погубит вас, а нет нам спасения, нет и не будет надежды всей земле Русской без вас, государь. Избалованы бояре, вон что учинили со страной! Плехи чёртовы, сидят в имениях своих, да будто бы на службе, скоты. Доброе сердце ваше, государь, но чем отплатили бояре? Добром ли?

— К чему ты ведёшь, Алёша? — хмуро спросил царь.

Жилы на руках его напряглись, едва Басманов стал поносить бояр.

— Да к тому, что пожалованы были им имения, цветущие луга да поля, да земля плодородная, что палку воткни — и та зацветёт.

— Желаете земель новых? — усмехнулся, точно оскалился государь, покручивая перстень на указательном пальце.

Лицо Иоанна порой искажалось, и один глаз щурился сильнее, чем другой, отчего взгляд казался страшнее.

— Не за себя прошу, — положи руку на сердце, клятвенно произнёс Басманов, — а за тех, кто придёт к тебе безродным оборванцем на службу. Знаю я людей, в чьих сердцах и душах и Бог есть, и ко служению вам, государь-батюшка, готовы, что хоть завтра на смерть во имя ваше бросятся без оглядки. Пока они верны вам, пушай имения их и будут за ними.

— За что ценю тебя, Лёшка, так за дерзость твою, — государь кивнул пару раз. — Ежели не лжёшь ты, веди ко мне этих людей. Лишь Бог ведаёт, как сердце моё, израненное изменами, жаждет видеть их. Будут наградой им земли и поля.

— Да уж, велика награда, ничего не скажешь, — произнёс Фёдор, глубоко вздыхая, блуждая праздным взглядом по расписным узорам палаты. — Велика, куда деваться!

И царь, и отец Фёдора с удивлением обернулись на юношу, который всё это время сидел безмолвно. Едва Алексей набрал воздуха, явно чтобы пресечь дерзость сына, государь резким жестом велел воеводе молчать.

— Вижу, Федька твой и в самом деле смел не по годам, — произнёс Иоанн, немного меняя своё положение на троне. — Оттого хочется же послушать, что же на уме у него.

Фёдор вскинул бровь, точно дивился уделённому вниманию от государя. Он обернулся к царю, встретившись с ним взглядом. Ясно-голубые глаза были полны лёгкости, но вместе с тем во взгляде, в изгибе чёрных бровей отчётливо читалась горделивость и дерзость. Иоанн глядел в эти глаза с еле заметной усмешкой, про себя пытаясь понять, ведаёт ли юноша, с кем сейчас говорит.

— Велика награда, государь, — повторил Фёдор, не опуская глаз, притом слова произнёс чуть медленнее и мелодичнее.

Государь улыбнулся краем губ. Казалось, сам воздух замер, лишь эхо разносилось по залу. Наконец царь плавно взмахнул рукой — перстни на его пальцах блеснули в свете факелов.

— Будь моя воля, — с коротким поклоном продолжил Фёдор, — оставил бы бояр в покое с хлебом их, пусть себе возделывают земли. Неужто не отдадут они хлеб, что вырастили на земле нашей? Так пусть попробуют не отдать, в самом деле, — усмехнулся Фёдор, улыбаясь мимолётной мысли.

Юноша выжидал, чтобы государь мог молвить своё слово, но тот, очевидно, предпочёл сейчас слушать, нежели изъяснять волю свою.

— Мороки больше с ними, — со снисходительным пренебрежением, и уголок губ слегка дрогнул. — Да и к чему нам земли эти? Куда ценнее угодыя есть.

— И какие же? — спросил государь, подпирая рукой голову.

Его лицо сохраняло следы весёлого интереса, порождённого насмешкой, но вместе с тем государь в самом деле внимал речи своего юного советника.

— Вдоль рек, — голос Фёдора будто бы изменился, скинув с себя насмешку и тщеславие. Голос стал холодным и решительным. Взгляд продолжал наблюдать за государем, будто бы касался ногой тёмной толщи льда, проверяя прочность. — Будет много лучше, — продолжил Фёдор, чуть приподняв руки, разведя их в стороны, — ежели послов иноземных да торговцев будут встречать слуги верные, нежели вороватые черти боярские. Зачем боярам с иноземцами якшаться, как не ради измены? Мы сами встретим дорогих гостей и сами проводим их до портов речных.

Иоанн несколько раз провёл своей рукой по бороде, перебирая пальцами жёсткие пряди цвета тёмной меди.

— Что же ты молчишь, Алёша? — спросил Иоанн, переведя свой взгляд на старшего Басманова.

— Так что ж тут скажешь? — произнёс Алексей. Хоть воевода и пребывал в замешательстве, потерянным его нельзя было назвать. Суровый взгляд был прикован к сыну всё время, пока тот произносил свою речь с неподобающей непосредственностью.

— Неужто нечего? — спросил царь, вкрадчиво улыбнувшись.

Алексей метнул холодный взгляд на сына, после обратно на государя.

— Воля ваша, государь. И лишь вам решать судьбу нашего отечества, — ответил наконец Алексей.

Царь едва заметно покачивал головой, рассматривая переливы света, который струился в драгоценных перстнях.

Вечером того же дня Алексей Басманов уже готовился отойти ко сну, когда ему доложили, что сам государь желает его видеть. Ночные советы не были редкостью для воеводы. Тяжёлые шаги его гулко разносились по коридору. Через несколько минут он уже дважды стукнул в тяжёлую дверь царских покоев. Иоанн сидел за столом, заваленным пожелтевшими бумагами. Они закручивались, точно прячась от света одинокой свечи на столе, но рука царя разглаживала их, вчитываясь в чёрно-серые строки чернил.